

УДК 159.9.01

Феномен понимания в ракурсе социокода

Соваков Борис Николаевич

Кандидат филологических наук, доцент,
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
Калужский филиал,
248021, Российская Федерация, Калуга, ул. Московская, 256-А;
e-mail: www.kaluga.rpa-mu.ru

Аннотация

Понятие социокода, предложенное М.К. Петровым, позволяет усмотреть принципиальную разницу в эпистемологии университетского образования на Западе и в России через раскрытие связи университетов Европы с религиозными институтами своего времени и преднамеренного отсутствия этой связи в феномене российского университета. Опираясь на положение И.А. Ильина о том, что основы феномена культуры имеют свое начало в культе, делается предположение о возможном субстанциальном нарушении плана национальной культуры в сторону акциденциальности. Выстраивается существенно и методологически новый подход к пониманию основ формирования национального российского менталитета вообще и формированию национальной идеологии в частности. Выявляемые особенности позволяют интерпретировать феномен понимания в его социо-культурном аспекте и в плане бытия духовных ценностей. В статье делается упор на понимание как на важнейший интегрирующий фактор, принципиально влияющий на субстанциальность феномена культуры и этническую целостность. Усмотрение внутренне дезинтегрирующих тенденций в российском обществе переходит с публицистического на научный уровень, повышается качество исследовательской рефлексии и научность результатов. Статья носит прогностический характер.

Для цитирования в научных исследованиях

Соваков Б.Н. Феномен понимания в ракурсе социокода // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 3А. С. 143-151.

Ключевые слова

Социокод, университет, образование, культура, понимание.

Введение

Понятие социокода, сформулированное и предложенное М.К. Петровым более полувека назад, предоставляет широчайший спектр усмотрения социально-смысловой проблематики вообще и собственно проблем понимания. При этом часто за пределами внимания исследователей остается контекстуальный характер социокода, в то время как толкование самого контекста силами философско-филологических дисциплин имеет давнюю историю и значительные наработки.

Так, в философской и филологической мысли России второй половины XX века неоднократно встречаются понятия вертикального контекста и фоновых знаний [Кухаренко, 1998], что повышает продуктивность попыток выхода к смыслу текста и анализа смыслообразования. Ведь это, в принципе, важнейший аспект любого герменевтического исследования, первейшая из методологических констант герменевтики, гласящая о недопустимости рассматривать смысл текста в отрыве от контекста. В частности, и нами неоднократно указывалась важность усмотрения действия целого ряда методологических констант герменевтики во всем спектре возможных смыслов текста: от смысла отдельной фразы до художественной идеи произведения или научного исследования [Соваков, 2008]. С другой стороны, важнейшая роль в формировании смысла в процессах понимания неизбежно принадлежит менталитету, который имеет свои решающие особенности у каждого социума [Соваков, 2014].

Социокод, как это станет ясно из нашего дальнейшего рассуждения, определяет очень многое в содержании вертикального контекста и фоновых знаний. Он также отражается на содержании менталитета этноса. При этом толкование смысла текста культуры не становится проще, так как в большинстве случаев социокоды писателя и читателя различаются очень сильно: их, писателя и читателя, могут разделять не только столетия времени и громада расстояний, но и барьеры эпох и культур.

Собственно, к феномену культуры сводится все, как к главному центру всего нашего рассуждения. Культура представляет собой сферу духовной жизни, заключающую в себе некий (как правило, гигантский) объем неких духовных ценностей (у М.К. Петрова это знания, что мы расцениваем как вынужденное типологическое ограничение). Весь этот массив духовных ценностей, бытующих в пространстве духа, и связанных с ним институтов и механизмов, проводящих, тиражирующих духовные ценности в плоскость собственно бытия социального, Петров именуется социокодом, подчеркивая при этом, что сам социокод имеет характер основной знаковой реалии культуры. Эта реалия культуры посредством своего знакового характера удерживает в одновременной целостности и различении весь массив духовных ценностей, фрагментированный посредством знака (иными словами, того или иного языка) и сохраняемый в некоем целостно-фрагментированном состоянии. Обратим внимание, что речь идет о смыслах, так как смысл есть то, что понимается, а нечто понимается именно так, как оно понимается, в силу того, что есть некие структуры, способствующие со-

хранению целостности понимания, например, в форме идеологии [Елисейкин, 2016]. Соответственно, стоящий за этим мир деятельности и институты общения (социальный уровень) также определяются социокodem и воспроизводятся (тиражируются) в зависимости от его характера. Неразрывная целостность всего этого сложнейшего образования (к тому же неизбежно фрагментированного) задается языковым знаком, имеющим тут комплексный характер: языковой знак выступает и как фрагментатор, и как орудие общения, и как средство хранения и тиражирования неких значений, которые суть культурные ценности [Петров, 1991, 39; Ерыгин, 2013, 181].

Социокodem как фактор формирования понимания

Иными словами, феномен культуры на уровне социальном выступает в виде сложнейшей фрагментированной и внутренне связанной знаковой структуры, разводящей знание по различным дисциплинам, навыкам, ролям и т. д. Номенклатура этих дисциплин задается конкретным социумом, в котором разворачивается определенный социокodem. В него входят институты (школы, университеты), сами люди в своем профессиональном призвании, рабочие места, оборудованные именно неким определенным образом, учебники, люди, которые эти учебники пишут и т. д. Социокodem задается практически все, что обеспечивает бытование духовной культуры общества. Таким образом, массив духовных ценностей становится более постигаемым через понимание характера его фрагментации.

Мы далеки от того, чтобы даже пытаться описать все возможные ракурсы духовной жизни общества, на формирование которых оказывает влияние социокodem. Например, возьмем менталитет как устойчивую во времени большой длительности систему внутренних глубинно-психических социокультурных установок общества [Полежаев, 2011, 14]. С одной стороны, и в филологии, и в философии имеется весьма значительный объем литературы, описывающей процессы понимания в их национально-культурологическом преломлении, но чем само это преломление задается, где лежат его основы и как оно формируется, становится ясно только через феномен социокodem.

Так же вынужденно мы лишь коснемся языковой (и, соответственно, герменевтической) проблематики, решаемой с помощью социокodem. Выше сказано, что роль фрагментатора в социокodem принадлежит языковому знаку. Следовательно, смысл отдельно взятого духовного явления (текста) неизбежно несет на себе отпечаток того, какими фрагментирующими особенностями обладает тот или иной фрагментатор (языковой знак). Но сюда неизбежно включаются также автор текста и его читатель как носители культуры, заключенной в данном социокodem. В этом и заключается важнейшая проблема герменевтики смысла текста, если рассматривать ее через призму социокodem.

Контекстуальный характер социокodem заключается в следующем: все, что понимается читателем при освоении смысла текста, понимается им в зависимости от тех субстанции-

альных и процессуальных сторон его культуры, которые были заложены в нем в процессе воспитания как освоения того или иного национального социокода. Подчеркнем: именно национального социокода, поскольку для нашего рассуждения национальность как принадлежность к тому или иному этносу является важнейшим культурологическим признаком. Можно смело предполагать, что социокод как фактор, формирующий некое пространство, в котором в дальнейшем разворачивается понимание, первичен по отношению к пониманию как таковому.

В качестве примера можно подвергнуть анализу некоторые важные различия онтологии и эпистемологии понимания среди европейских читателей. Обычно все сводят к различиям в менталитете; однако усмотрение социокода как некой заданности, типологии знаковой фрагментации духовных ценностей позволит глубже рассмотреть эту проблему.

Университетское образование и усвоение социокода

Основным объектом анализа послужит тот социальный слой, который чаще других имеет дело с построением и чтением текстов. Это граждане, имеющие сравнительно высокий уровень академической подготовки, занимающиеся интеллектуальным трудом. Их и называют интеллигенцией, хотя некая разница между западной и восточной (русской) интеллигенцией признается всеми исследователями без исключения. Факторов различия будет так много, что неизменным, неоспариваемым остается только сам сравнительно высокий по сопоставлению с другими сферами человеческой деятельности уровень академической подготовки.

Освоение социокода личностью разделяется на два больших этапа: освоение национального языка и основ национальной культуры (детство – юность) и освоение специализации, профессиональная подготовка, позволяющая личности в дальнейшем занять ту или иную социальную нишу. Второй уровень, как правило, обеспечивается системой высшего профессионального образования. М.К. Петров видит роль этого этапа в усвоении знаний через освоение личностью интеллектуально-знакового массива, фрагментированного соответственно.

По нашему глубокому убеждению, в текстах М.К. Петрова очень часто там, где написано «социальное», следовало бы читать «духовное»; иными словами, освоение социокода не является просто профессиональной и информационно-интеллектуальной подготовкой личности; речь идет об освоении соответственным образом фрагментированных духовных ценностей. Что-то подсказывает нам, что сам М.К. Петров согласился бы с нами. В любом случае, на этом этапе освоения социокода на первый план выходят учреждения высшего профессионального образования, или университеты, и от характера, структуры, методологии и т. д. самих университетов зависит очень многое. А характер, сущность университета на Западе и на Востоке, то есть в России, имеет принципиальное различие.

Западный университет возник при монастыре как некий отдел по работе с информацией и, соответственно, служащий подготовке специалистов для этого. Западный университет ни в коем случае не позиционирует себя как структура, противостоящая монастырю, он ни в коем случае не оспаривает религиозных основ той или иной национальной культуры (что очень важно, так как, по известному выражению И.А. Ильина, любая культура начинается с культа). В принципе, этот аспект университетского быта осмыслен крайне мало, возможно, в силу своей очевидности. Так, совершенно очевидна разница между ученым и монахом. Но почему ученый, сотрудник университета, жил подобно монаху, ведь требования целибата на него не распространялись. Однако в Великобритании середины XIX века для ученого сообщества холостяцкое положение считалось нормой [Петров, 2014, 441, 442]. Интересно, что в современном английском языке слово *bachelor* обозначает и ученое звание, и состояние холостячества. Кстати, М.К. Петров делает в связи с этим очень меткое замечание: именно поэтому, пишет он, ученые на Западе не выделились в отдельную касту даже и через почти тысячу лет, прошедших с момента организации первых европейских университетов.

Что касается российских реалий, то у нас есть все основания говорить о наличии у интеллигенции достаточного количества признаков касты. Некоторые исследователи говорят даже об «ордене российской интеллигенции», имея в виду не некое религиозное содержание, но сам кастовый характер, выражающийся в ее «оторванности от народа», намеренной изолированности от социума внутри самого социума вплоть до противопоставления. Расхожее текстовое клише «оторванность от народа», столь употребительное в XX веке, все же публицистично по жанру; в нем, скорее всего, подразумевается некая наднациональность, а поскольку наднациональность (она же – вненациональность) есть нарушение человеческой онтологии, появляются основания говорить о внекультурности явления.

Российское университетское образование возникло сравнительно недавно, менее 300 лет назад, и его характер с самого начала определился как последовательно светский. Даже такие убежденные христиане, как М.В. Ломоносов, закладывая основы российского академического образования, ориентировались на поздне-западноевропейские образцы, но не на организационные структуры западных университетов, а на феномен западноевропейской науки, на ее эпистемологические особенности, которые в тот, сравнительно поздний период развития, в первую очередь состояли в отторжении от богословия в частности и религиозного мировоззрения вообще.

Если до образования Московского университета в начинавших свое формирование академических кругах России можно было усмотреть связь монастыря и научного знания (например, Славяно-греко-латинская академия), то позже эта связь теряется. Так, в 1724 году Петром I была предпринята попытка создания университета в Петербурге по западному образцу, но у нас нет достаточных оснований, чтобы судить об эпистемологической стороне знаний, формировавшихся этим университетом. К тому же, как известно, он вскоре был закрыт, и говорить о какой-либо преемственности его с Московским, Ломоносовским

университетом, можно лишь гипотетически. Впредь российское академическое знание находилось в явной оппозиции религии; если ученый являлся религиозной личностью, то это было его частным делом, и как-либо явно проецировать это на свою научную деятельность не отважился никто. Также никто и никогда не слышал об университетах, создаваемых при монастырях на территории Российской империи при том, что тип начального образования, так называемая церковно-приходская школа, остался надолго основным для народных масс. В дворянской среде, как известно, обучение было преимущественно домашним, частным, вплоть до поступления в университет. Таким образом, дворянский социум миновал «основы народной культуры», если так можно назвать церковно-приходскую школу. Даже начальное образование русского народа и русского дворянства (из которого первоначально и складывается «орден русской интеллигенции») было различным по своей эпистемологии.

Интеллектуальная жизнь образованного российского социума стремилась быть принципиально безрелигиозной; в погоне за этой безрелигиозностью она лишилась и некоей национальной культурной основы, той самой, которая лежит в основе любой национальной культуры как «культ» [Ильин, 2004].

Парадигма понимания в российском социокоде

Наша статья отнюдь не ставит перед собой целей исследования подобного широкомасштабного исторического и культурологического явления, как социокод России. Однако, как это сравнительно легко заметить, через два различных по своей структуре типа социокодов, сформированных в России к концу XVIII века (которые можно условно назвать социокодом народа и социокодом образованного меньшинства, позже – российской интеллигенции), в нашем русском обществе формируются и два больших типа понимания смысла, различных по своей субстанциальности и процессуальности. И уже через несколько поколений появляются основания говорить о возникновении интеллигенции как особой касты. Поначалу это так называемая дворянская интеллигенция, чью оторванность от народа отмечали практически все (известное замечание В.И. Ленина о декабристах отнюдь не было первым). Ей на смену приходит так называемая разночинная интеллигенция. Духовный раскол российского общества дальше только углубляется, тем самым готовя место для трагических событий XX века.

Актуальность предлагаемой нами трактовки особенностей духовной жизни России, точнее, ее образованных общественных слоев, к сожалению, глубже и серьезнее, чем нам самим хотелось бы. Так, даже сама русская национальная литература, представляющая собой российский национальный «пропуск в бессмертие» [Розанов, 1996], оказывается не такой уж и национальной. По мнению Ф.М. Достоевского, она оказывается закрытой, практически недоступной литературой для народа, недоступной именно ввиду своих культурных и философских, мировоззренческих особенностей [Достоевский, 1972-1987]. Крестьянин, пришедший с поля, не сядет читать ни «Мертвые души», ни «Войну и мир», а «Анна Каре-

нина» вызовет у него, в лучшем случае, эмоциональное отторжение. Ф.М. Достоевский с горечью пишет: «У нас нет литературы для народа! Русская национальная литература остается таковой, но она нацелена в первую очередь на духовность российской интеллигенции, она отражает в первую очередь мир ее духовных реалий, служит ее духовным запросам». Ф.М. Достоевский многократно подчеркивает это.

Заключение

Усмотрение двух литературных планов внутри одной национальной литературы лишь на первый взгляд кажется частным делом. По нашему мнению, эта грозная, деструктивная тенденция остается совершенно не понятой, и не осмысленной относительно всех планов личностного и социального бытия, имеющих отношение к пониманию как важнейшему, основополагающему социокультурному явлению. Можно очень долго рассуждать о том, как и насколько будут различаться между собой процессы понимания в российском обществе, если представлять его как мир противостояния российской интеллигенции и русского народа, прежде чем прорисуются сколько-нибудь ясные феноменологические конструкции понимания на уровне общенациональном. Обращение к феноменологическим ракурсам, предоставляемым понятием социокода, станет для этого методологически важным.

Конечно, ход XX века, невиданный по своей трагичности, привел к своего рода относительной нивелировке российского социума, но события недавних девяностых вполне наглядно показали, что российское общество очень далеко от однородности любого плана, и проблематика понимания духовных ценностей для него необычайно актуальна поныне. Не вызывает сомнений только один принципиальный аспект: философски грамотное толкование процессов понимания в их социально-культурном многообразии позволит сделать сами процессы глубже в плане субстанциальном.

Библиография

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1987.
2. Елисейкин О.Н. Смыслополагание как информационная составляющая процесса управления // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 7 (49). Ч. 1. С. 112-114.
3. Ерыгин А.Н. Россия: школа мысли. Ростов-на-Дону: изд-во ЮФУ, 2013. 181 с.
4. Ильин И.А. Основы христианской культуры. Путь духовного обновления. СПб.: Шпиль, 2004. 78 с.
5. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
6. Петров М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М.: РосспЭН, 2004. 776 с.

7. Петров М.К. Язык, знак, культура. М.: Наука, 1991. 328 с.
8. Полежаев Д.В. Русский менталитет: опыт социально-философского анализа: дис. ... докт. филос. наук. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2011. 331 с.
9. Розанов В.В. О понимании. М.: Танаис, 1996. 804 с.
10. Соваков Б.Н. «Византизм» в структуре российского патриотического менталитета // Русская философия и формирование патриотического самосознания. Калуга: КГУ им. Циолковского, 2014. С. 156-166.
11. Соваков Б.Н. К вопросу о методологических константах герменевтики // Этносоциум и межнациональная культура. 2008. № 6 (14). С. 131-140.

Understanding phenomenon in socio-code approach

Boris N. Sovakov

PhD of Philological Sciences, Associate Professor,
Russian State University of Justice, Kaluga Branch,
248010, 256-A Moskovskaja st., Kaluga, Russian Federation;
e-mail: www.kaluga.rpa-mu.ru

Abstract

Objective. The article analyzes the understanding phenomenon in socio-code approach. Often beyond the attention of researchers remains the contextuality of the social code, which is considered in this article. The socio-code notion, suggested by M.K. Petrov, gives a better consideration of the epistemological differences of the university education in the West and in Russia via discovering the links of the European universities with monasteries and the deliberate absence of this link with the Russian universities phenomenon. **Methods.** The author applies such general scientific methods as scientific abstraction, analysis and synthesis, methods of grouping, comparison, etc. **Results.** Starting with I.A. Ilyin's thesis about the culture phenomena taking their origin in the cult, a supposition is done concerning the fact, that the national culture phenomenon could have been distorted, possibly into the form of an accidentality. Understanding it lets shaping up a new methodological approach to the Russian national mentality formation understanding, including the national ideology in particular. **Conclusion.** The differences discovered permit to interpret deeper the understanding phenomenon in its social and cultural aspects, the understanding itself taken as the main integrating factor of the national culture, affecting the national culture substantiality and ethnic integrity. Analysis of the Russian society inner disintegration tendencies shifts from publicism to scientific level.

For citation

Sovakov B.N. (2017) Fenomen ponimaniya v rakurse sotsiokoda [Understanding phenomenon in socio-code approach]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (3A), pp. 143-151.

Keywords

Socio-code, university, education, culture, understanding.

References

1. Dostoevskii F.M. (1972-1987) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works in 30 Volumes]. Leningrad: Nauka Publ.
2. Eliseikin O.N. (2016) Smyslopologanie kak informatsionnaya sostavlyayushchaya protsessa upravleniya [Conceptualization as an information component of the management process]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International Scientific and Research Journal], 7 (49), P. 1, pp. 112-114.
3. Erygin A.N. (2013) *Rossiya: shkola mysli* [Russia: school of thought]. Rostov-on-Don: South Federal University Publ.
4. Il'in I.A. (2004) *Osnovy khristianskoi kul'tury. Put' dukhovnogo obnovleniya* [The path of spiritual renewal]. St. Petersburg: Shpil' Publ.
5. Kukhareno V.A. (1988) *Interpretatsiya teksta* [Text Interpretation]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
6. Petrov M.K. (1991) *Yazyk, znak, kul'tura* [Language, sign, culture]. Moscow: Nauka Publ.
7. Petrov M.K. (2004) *Istoriya evropeiskoi kul'turnoi traditsii i ee problem* [History of European cultural tradition and its problems]. Moscow: ROSSPEN Publ.
8. Polezhaev D.V. (2011) *Russkii mentalitet: opyt sotsial'no-filosofskogo analiza. Doct. Diss.* [Russian mentality: experience of socio-philosophical analysis. Doct. Diss.]. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University Publ.
9. Rozanov V.V. (1996) *O ponimanii* [On understanding]. Moscow: Tanais Publ.
10. Sovakov B.N. (2008) K voprosu o metodologicheskikh konstantakh germenevtiki [On hermeneutic methodological constants problem]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura* [Ethnosocium (multinational society)], 6 (14), pp. 131-140.
11. Sovakov B.N. (2014) "Vizantizm" v strukture rossiiskogo patrioticheskogo mentaliteta ["Byzantism" in the structure of the Russian patriotic mentality]. *Russkaya filosofiya i formirovanie patrioticheskogo samosoznaniya* [Russian philosophy and the formation of patriotic self-consciousness]. Kaluga: KSU named after Tsiolkovsky, pp. 156-166.